

Е.Э. Иванова

МАРШРУТНАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СЪЕМКА И РЕАЛИИ

В настоящее время все более актуальным становится вопрос об улучшении качества сбора топонимов. Все меньше остается людей, хорошо знающих топонимию. Опыт показывает, что простое увеличение количества информантов само по себе еще не приводит к полному и качественному сбору топонимов на данной территории. Необходима тщательная и кропотливая работа с каждым. Иногда приходится работать с одним информантом – единственным коренным жителем деревни. Часто этим единственным информантом оказывается пожилой человек, уже достаточно забывший местные географические названия.

В существующих условиях становится необходимым применение активных форм опроса, которые не только нацеливают информанта на перечисление того, что он помнит, но и сами пробуждают память: составление схем, работа с обычной и со слепой картами. Самая эффективная в этом отношении форма – работа с информантом на местности. Но так как эту форму работы практически осуществить очень трудно, мы попытались применить другую, частично ее заменяющую – маршрутную топонимическую съемку. Наиболее перспективными в этом отношении являются водные маршруты. Маршрутная топонимическая съемка была применена в ходе лодочных экспедиций, организованных Топонимической экспедицией Уральского университета в 1986 и 1988 гг. на р.Чусовой, в 1987 г. на рр.Сылва и Ай.

Как производится маршрутная съемка? По ходу движения в путевых дневниках фиксируются все объекты по берегам реки и на реке: камни, горы, холмы, поляны, впадающие реки и ручьи, острова, отмели, перекаты, плесы, изгибы русла реки. При этом не только фиксируется последовательность объектов с указанием на берег и метражом, но и дается их описание, зарисовка наиболее интересных (например, камней), фотографирование (с указанием в дневнике номера кадра). Одновременно производится сверка с имеющимися картами и схемами. На основе полученных результатов ведется беседа с информантом. Затем этого же информанта мы просим описать дальнейший маршрут – до следующего населенного пункта. Таким образом, отправляясь в очередной маршрут, мы имеем уже не только картографические данные, но и сведения информантов. Следовательно, в методике работы можно выделить три этапа: описание маршрута информантом; прохождение маршрута, сверка с данными информанта и с данными карт; беседа с информантом по материалам маршрутной съемки.

В чем преимущество маршрутной топонимической съемки по сравнению с обычной формой опроса?

1. Увеличивается количество топонимов, полученных от одного информанта. Имея полное описание маршрута, мы «возвращаем» собеседника к пропущенным объектам.

2. Улучшается качество привязки. Уже не стоит вопрос: справа или слева впадает река, какой объект находится выше по течению, какой – ниже. Дается точная относительная и абсолютная привязка, причем без дополнительных однообразных вопросов, которые так утомляют информанта: сколько километров до данного объекта, в какой стороне от населенного пункта он находится и т.п. Относительное местоположение объекта нам уже ясно, абсолютную привязку можно без труда определить по картам и схемам.

3. Маршрутная топонимическая съемка дает возможность соотносить картографические и народные названия, следовательно, уточнять карты и схемы, выявлять картографические ошибки. Иногда это случайные искажения народных форм, в некоторых случаях – попытка найти внутреннюю форму непонятого топонима: ур. *Коршуково* (от антропонима *Коршуков*) – карт.ош. *Коршуново*; лог *Крошнин* (от антропонима *Крошнин*) – карт.ош. *Краснин*; бывш.д. *Молоканы* (от *молокан* ‘собиратель молока на маслобойный завод’ или ‘представитель секты’) – карт.ош. *Молоданы*; перекат. *Ситники* («Лес сплавлять плохо, он бревна задерживает, как сито») – карт.ош. *Цветники*.

Выявление ошибочных названий особенно актуально для туристических маршрутов, на которые составлены многочисленные карты и путеводители. Так, в путеводителях по Чусовой нет единства в наименовании объектов, часты картографические ошибки. Произведена маркировка маршрута, но многие объекты маркированы неверно, и местные жители всегда это отмечают: «*Веселый* камень тот, на котором табличка *Корчага*», «На нем табличка *Собачий*, да какой это Собачий, Собачий дальше, а это просто *Камешок*». У д. Усть-Утка *Красный* камень обозначен как *Желтый*, а *Желтый* как *Красный*. Часто на карты заносятся искусственные названия, возникшие в туристической среде и неизвестные местному населению: к. *Зубец*, к. *Дуга*, к. *Пластинки*. Однако некоторые из них проникают в народную среду, поэтому при беседе с информантами можно услышать: «Туристы называют *Зеленая Шапочка*, а мы – *Харенский* камень», «Мы называем *Печка*, а они – *Львиная Пасть*». Иногда люди старшего поколения помнят народное название, а молодые употребляют новое, туристическое. Например, камень у с. Чусовое молодежь называет *Корабли*, старожилы – *Коньи Уши*, причем параллельное название не те ни другие не употребляют. В таких случаях при обычном опросе в картотеке появляются две карточки на разные объекты.

Бывают совершенно парадоксальные случаи, когда на карты заносятся названия несуществующих объектов. Так, у бывш. д. *Кашка* есть ур. *У Печки* («Там печка стояла, камни пережигали на известку»). На картах же фиксируется к. *Печка*, видимо, по аналогии с другими *Печками*, часто встречающимися на Чусовой.

4. При маршрутной топонимической съемке информант больше, чем при обычном опросе, ориентирован на воспроизведение объекта в памяти и на его описание, чаще пытается объяснить название (особенно при второй методике – когда мы просим описать маршрут, который еще предстоит пройти): «Камень тот у самой воды, по берегу не пройти – горой идут, а в народе говорят: раз не пускает, значит *Собачий*»; «Дальше река кривушу делает, и камень в этой кривуше *Кривушей* зовем»; «Там левой протокой не пройти – отмель круглая – *Сковорода* – все садятся»; «*Баба Яга* камень. Как женщина она сидит на камню-то, как баба Яга»; «Камень *Старик со Старухой*. Один камень как старуха с прялкой, другой – как старик с бородой»; «Дальше четыре камня рядом стоят, а один немного в стороне, называем их *Четыре Брата, Пятый Дядя*».

5. При непосредственном наблюдении объектов исследователь имеет возможность соотнести впечатления информантов со своими, установить по возможности причину номинации.

Так, при этимологизации названия к. *Владычный* помог внешний вид объекта: камень представляет собой мощную отвесную скалу, переходящую в столбы, которые имеют сходство с человеческими фигурами. Вероятно, перед нами метафорическое название (первоначально – **Владыка*).

Иногда при непосредственном знакомстве с реалией приходится проверять несколько версий информантов. Так, было получено несколько объяснений названия к. *Сплащик*: «Говорят, здесь сплащик утонул»; «Камень над рекой навис, будто чело-

век»; «Этот камень сам плоты рулит, на него не налетишь, он водой плоты от себя отводит, вроде бы как сам их сплавляет». Знакомство с объектом подтвердило, что *Сплавщик* – метафора по функции. Такие метафоры часто используются на Чусовой для номинации камней, например: к. *Сосун* – «к себе лодки присасывает»; к. *Отмятыш* – «от себя плоты отмятывает». Сходство же камня с фигурой человека не подтвердилось.

Таким образом, маршрутная топонимическая съемка – один из факторов улучшения сбора топонимического материала. При активной форме опроса достигается полнота и улучшается качество записи топонимов. Описание реалий, их зарисовки и фотографии представляют большую ценность для исследователей топонимии. Эту форму сбора материала частично можно применять во всех экспедициях (например, съемка по дороге от деревни к деревне). Для составления словаря топонимов реки это наиболее приемлемая форма работы.

Н.В. Кабинина

ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА В ТОПОНИМИИ ДЕЛЬТЫ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Двинские устья – пограничье материка и моря – представляют собой сложнейшую систему сотен островов и протоков, образовавшуюся при выходе Северной Двины в Двинский залив. Географическое положение и природные условия этого региона издавна сделали его притягательным для людей, основным занятием которых было рыболовство и промысел морского зверя. Одним из свидетельств этого является топонимия двинских устьев – как собственно русская, так и созданная дорусским (финно-угорским) населением и переданная из поколения в поколение сообществом архангельских поморов, сформировавшимся на основе различных этнических групп в течение многих столетий.

Топонимия региона прямо или опосредованно отражает различные стороны промысловой деятельности создавшего ее населения. Так, собственно русские названия указывают чаще всего либо на сам характер деятельности (*Рыболовля Курья*, зал.; *Рыбаки*, д.; *Ловча*, р.; *Ловчая Кошка*, о-в), либо на вид рыбы или зверя, характеризующий то или иное угодье: *Ершовец*, руч.; *Камбалица*, реч. зал.; *Камбалка*, реч. зал.; *Карасевы*, оз.; *Окунево*, оз.; *Сиговка*, реч. зал.; *Сорожница*, реч. зал.; *Нерпичьи*, о-ва; *Заячьи Острова*, ур.; *Зайчиха*, тоня (ср. *заяц морской* ‘один из видов тюленя в Белом море’ [Подвысоцкий, 55]), *Лысунов*, о-в (ср. *лысун* ‘мелкий морской зверь или тюлень вообще’ [Даль, 2, 277]). Отражение в топонимии относительно небольшого региона столь подробной дифференциации видов рыбы и зверя, нехарактерное для материковых территорий, объясняется многовековым приоритетом морского промысла как вида деятельности, жизненной значимостью промысловых зон, вследствие чего подобные названия несут как ориентирующую, так и ценностную информацию. Кроме того, наличие в двинских устьях большого числа островов и речных заливов («кутовых речек», как называют их местные жители) обуславливает такую дифференциацию с фактической стороны: различные по микроусловиям речные заливы и острова нередко становятся излюбленным местом обитания определенных видов рыбы и морского зверя.